

Леди Астерейя

Цитадель Переплетённых Теней

18+

Леди Астерея

Цитадель Переплетённых Теней

«Автор»

2026

Астерея Л.

Цитадель Переплетённых Теней / Л. Астерея — «Автор», 2026

В мире, где драконы — не легенды, а древняя, опасная сила, судьба людей и неба держится на хрупкой связи: эмпаты-всадники чувствуют эмоции драконов, превращая слепую мощь в направленную защиту. Цитадель учит не покорять, а слышать — но цена этого умения пугающе высока: боль, контроль и постоянная угроза сломаться под чужим страхом.

© Астерея Л., 2026

© Автор, 2026

Леди Астеря

Цитадель Переплетённых Теней

Глава Тот, кто чувствует слишком много

Утро в Цитадели Переплетённых Теней всегда начиналось одинаково: звон железного колокола, от которого зубы сводило, серый свет, просачивающийся сквозь узкие окна-щели, и запах мокрого камня, от которого никогда не избавлялись — будто сама академия потела холодом. Лира проснулась за минуту до звона, как всегда. Не потому что хотела. Потому что чужой сон оборвался, и его обломки всё ещё торчали в её голове, как занозы.

Опять.

Она села на жёсткой койке, прижав ладони к вискам. Сон был не её: каменный свод, запах гари, тяжёлый удар, от которого дрогнула земля. Чей-то голос выкрикивал имя — незнакомое, но каждый раз одинаковое. И чувство — ледяная, вязкая вина, которая оседала на груди, не давая вдохнуть.

«Каэл», — подумала она. — «Это был твой сон. Опять».

Ответ пришёл не словами — драконы не думают словами. Он пришёл ощущением: тяжесть в горле, тепло в ладонях и еле уловимый отзвук, похожий на далёкий гул ветра в пещере. Это означало: *да, я знаю. Я не мог остановить.*

«Ты мог бы предупредить», — мысленно сказала Лира. — «Чтобы я хотя бы подготовилась».

Пауза. Потом — медленно, неуклюже, будто он с трудом подбирал эквиваленты человеческим словам:

«Предупредить — значит дать тебе страх до сна. Ты и так плохо спишь. Я не хотел добавлять».

Лира усмехнулась — горько и коротко. Дракон, который пытался её беречь, принося ей свои кошмары только тогда, когда не мог их сдержать. Это было так похоже на Каэла: неловкая, тяжёлая забота существа, которое не умеет быть нежным, но отчаянно хочет.

«Спасибо», — сказала она. И имела в виду противоположное. Он это знал. Но промолчал.

Утренний осмотр перед полётами был формальностью: проверка амулетов, сверка рун, быстрый взгляд в глаза — *готов ли ты?* Лира прошла первые три точки без проблем. Ремни — застёгнуты. Руны на запястьях — стабильны. Пропуск — на месте.

Четвёртая точка — мастер Вейн.

Он стоял у выхода на тренировочную площадку, и от него всегда пахло чем-то стерильным, будто он специально стирал с себя любые запахи, любые следы человеческого присутствия. Высокий, с гладко зачёсанными тёмными волосами и лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не глаза — слишком внимательные, слишком пустые, как окна в пустой комнате.

Его пальцы скользнули по краю кисти, на которой выжжены руны при слиянии с драконом, и которые можно уничтожить, если убить всадника или его дракона — того самого, через который шла связь с Каэлом. Лира почувствовала, как кожа под рунами дрогнула, будто от прикосновения к открытой ране.

— Ты сегодня бледная, — сказал Вейн. В его голосе не было заботы, только холодный интерес. — Или это не от усталости?

Лира сжала зубы. Нельзя показывать страх. Нельзя показывать, что ты прячешь что-то.

«Ровно дыши», — пришёл голос Каэла, далёкий и глухой, из глубины связи. — «Он читает твоё тело, а не мысли. Контролируй тело — и он ничего не найдёт».

«Легко тебе говорить», — отозвалась Лира. — «Ты не стоишь перед ним».

«Я стою за стеной и чувствую, как у тебя колотится сердце. Замедли. Считай до трёх на вдох, до пяти на выдох. Делай».

Ли́ра послушалась. Вдох — раз, два, три. Выдох — раз, два, три, четыре, пять. Пульс чуть замедлился.

— Всё в порядке, мастер, — ответила она ровно. — Готова к полёту.

Вейн хмыкнул. Его взгляд задержался на её запястьях, где руны слабо мерцали — не от связи, а от её нервозности. Он заметил. Он всегда замечал.

— Иди, — сказал он и отошёл в сторону, но Ли́ра чувствовала его взгляд в спину, пока шла к ангару. Это было как пятно между лопаток — тёплое, неприятное, не проходящее.

«Он подозревает?» — спросила она Каэла.

«Он всегда подозревает. Это его работа».

«Ты меня не утешил».

«Я не для этого здесь».

Каэл ждал её у выхода на площадку — огромный, тёмный, с чешуёй, похожей на обугленное железо. Он не повернул головы, когда она подошла, но его крыло дрогнуло — едва заметное движение, означавшее, что он её чувствует. Она застегнула ремни, проверила крепления, и в тот момент, когда её ладонь легла на его шею, между ними прошла волна тепла — не от чешуи, а от связи, которая отзывалась на прикосновение, как струна.

«Прости», — прошептала Ли́ра. — «Сегодня будет тяжело».

«Всегда тяжело», — ответил Каэл. И после паузы: «Но ты справляешься. Каждый раз, и за год твоего обучения, ты стала лучше и быстрее залазить в седло хм, всего-то год Ли́ра».

«Ты говоришь это, чтобы мне стало легче, или потому что веришь?»

«И то, и другое. Первое — потому что я не умею иначе. Второе — потому что видел, как ты летишь в шторме, и не отворачиваешься. Это редкость».

Ли́ра не ответила. Она не знала, что ответить, когда Каэл говорил такие вещи — тихо, неуклюже, будто через силу. Он не умел быть тёплым, но пытался. И это было хуже, чем если бы он был просто холодным.

Они поднялись в воздух, и сразу стало ясно: шторм усилился.

Магический вихрь здесь был не ветром, а эмоциями, ставшими материей. Страх превращался в ледяные иглы, которые кололи кожу сквозь одежду. Вина — в удушающую тьму, которая обволакивала, мешала дышать. Гнев — в вспышки, от которых темнело перед глазами.

Ли́ра вела Каэла сквозь это, стараясь держать щит между ними, но щит трещал. Она чувствовала, как эмоции шторма просачиваются сквозь барьер, как они касаются её разума острыми, холодными пальцами.

«Не пытайся удержать весь щит», — голос Каэла стал напряжённым, жёстким. — «Отпусти края. Держи только центр — нас двоих. Остальное пропусти».

«Если я отпущу края, нас накроет полностью».

«Если не отпустишь — щит лопнет, и накроет нас ещё сильнее. Я знаю этот шторм. Я летал в нём до тебя. Отпусти края, Ли́ра».

Она отпустила. Шторм хлынул внутрь, и вместе с ним — чужие эмоции. Не из вихря. Откуда-то снизу, из академии, серыми крышами и каменными стенами. Кто-то там, внизу, испытывал такой острый, такой чистый ужас, что Ли́ра на секунду потеряла ориентацию.

Каэл рванулся в сторону, и только её хватка на поводьях удержала его от падения.

— Стой! — крикнула она вслух, и её голос сорвался. — Я не... я не могу...

«Что с тобой?» — голос Каэла стал резким, острым, как клык. — «Ли́ра, что ты чувствуешь? Это не шторм?»

«Не знаю... кто-то внизу... его страх... он такой громкий...»

«Это не твой страх. Оттолкни его».

«Я не могу! Он заходит со всех сторон, как вода, я не знаю, где мой, а где чужой!»

Пауза. Потом — глухо, медленно, будто он вытаскивал каждое слово из глубины:

«Тогда не отталкивай. Пропусти сквозь себя. Как шторм. Как ветер. Не борись — пройди насквозь. Я держу тебя. Я не дам тебе упасть».

Лира закрыла глаза. Чужой страх хлынул сквозь неё — ледяной, панический, чужой, не её. Она пропустила его, как пропускают боль: не сопротивляясь, позволяя пройти. И через секунду стало легче — не потому что страх исчез, а потому что он оказался не её. Он прошёл и ушёл вниз, обратно к тому, кому принадлежал.

«Вот так», — сказал Каэл. И в его голосе впервые проскользнуло что-то, чего Лира не слышала раньше: уважение. Тяжёлое, неуклюжее, как всё в нём, но — настоящее.

Они едва дотянули до площадки. Когда Лира сползла с его спины, ноги не держали. Она прислонилась к холодной стене, пытаясь отдышаться, и тут увидела мастера Вейна.

Он стоял в тени арки, скрестив руки, и смотрел на неё так, будто только что нашёл недостающий кусочек головоломки.

— Так вот как ты справляешься, — произнёс он, и его голос был тихим, почти ласковым, от чего становилось только страшнее. — Ты не контролируешь шторм. Ты его чувствуешь.

Лира попыталась встать прямо, но колени дрожали.

«Не отвечай ему», — голос Каэла, низкий и тревожный. — *«Не давай ему больше, чем он уже понял».*

— Я справляюсь, — сказала Лира вслух, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Готова к следующему заданию.

Вейн шагнул ближе.

— В академии не нужны эмпаты, девочка, — сказал он. — Нам нужны всадники, которые держат контроль, а не те, кто растворяется в чужих эмоциях. Завтра ты пройдёшь дополнительную проверку. И если я увижу хоть намёк на то, что ты снова «чувствуешь» вместо того, чтобы действовать... тебя переведут в карантинную группу.

Лира кивнула. Она знала, что это почти приговор. Карантинная группа — это те, кого считали слишком нестабильными, слишком опасными для обычных тренировок. Это были те, кто больше не летал.

Когда мастер ушёл, Лира прижала ладонь к груди, будто пытаясь удержать сердце на месте. Каэл тихо опустился рядом, его огромная голова склонилась к ней, и она почувствовала его тепло — единственное, что сейчас не причиняло боли.

«Прости», — снова прошептала она, на этот раз ему. — *«Я не хотела втягивать тебя в это».*

«Ты не втягиваешь. Я здесь, потому что хочу быть здесь», — ответил он. И добавил, после долгой паузы: *«Если они попытаются тебя забрать — я не позволю».*

«Ты не сможешь остановить академию, Каэл».

«Может быть. Но я могу не подчиниться. Я сделал это однажды. Могу снова».

Я не спросила, что он имеет в виду. Она знала: за этими словами стояла история его первого всадника, и это была история, которую Каэл не рассказывал, а нёс в себе, как ношу. Она чувствовала отголоски этой истории в его голосе каждый раз, когда он говорил о неповиновении — он говорил не теорию. Он говорил о том, что уже однажды сделал и за что уже однажды заплатил.

Глава : Девочка из пепла

Я родилась в городке, название которого теперь стёрто с карт.

Он был маленьким — три улицы, площадь с сухим фонтаном, сторожевая башня, которую не сторожили уже лет тридцать, и лес, подступавший к самым домам так близко, что осенью листья залетали в открытые окна. Городок назывался Эльвен, но после того, что случилось, никто уже не произносил это имя вслух.

Отец был рунным мастером — не боевым магом, а ремесленником: вырезал защитные руны на дверях, амулеты для путников, закреплял охранные знаки на амбарах. Мать была травницей. У меня была старшая сестра Соль, которая хотела стать всадницей и каждый день бегала на край утёса, глядя на небо, будто ждала, что оттуда кто-нибудь прилетит за ней.

Я была тихой. Не из скромности — из страха. рано поняла, что чувствует чужие эмоции острее, чем свои. Когда мать раздражалась, Я ощущала это как давление в груди, будто кто-то вставил ей между рёбрами камень. Когда сестра злилась, Я не могла спать: чужая ярость гудела в голове, как неисправный колокол. Она научилась прятаться — забиралась под одеяло, затыкала уши, считала до ста. Не помогало.

Отец заметил первым. Он не называл это даром — он называл это «резонансом» и говорил тихо, будто боялся, что стены услышат.

— Не рассказывай никому, — сказал он ей, когда ей было семь. — Люди не любят тех, кто чувствует чужое. Они думают, что ты можешь прочесть их мысли, и начинают бояться. А испуганные люди — самые опасные.

Я не поняла тогда. Она поняла позже.

Пожар начался ночью.

Мне было двенадцать. Я помнила не огонь — а чувства. Чужой страх, который хлынул в неё за секунду до того, как первый крик разорвал тишину. Страх был не её, но она почувствовала его первой — раньше, чем услышала треск пламени, раньше, чем увидела оранжевый свет в окне.

выбежала из дома босиком, и первое, что увидела, — это Соль, стоявшую на площади с расширенными глазами. Соль не кричала. Она просто стояла и смотрела, как горит их дом, и я чувствовала её ужас — чистый, концентрированный, от которого темнело в глазах.

Отец выбежал последним. Он нёс мать — она уже не дышала. Я помнила, как он упал на колени, и как из его горла вырвался звук, который не был ни криком, ни стоном, а чем-то между — будто рана, которую нельзя закрыть.

Потом он посмотрел на меня и сказал:

— Беги с сестрой. Не оборачивайся.

Я не послушалась, обернулась и увидела, как отец встал, поднял руку с рунным ножом и начал вырезать знаки на земле — защитный круг, который должен был остановить огонь. Но огонь был не обычный. Он был магический, и руны не справлялись.

Отец сгорел прямо там, внутри своего круга, который не смог его защитить.

Я не помнила, как добралась до леса. Помнила только руку Соль, которая тащила её за собой, и ощущение, будто внутри неё выгорело что-то важное — не орган, а что-то тоньше, незаметнее. Будто пространство, где жили её чувства, опустело и заполнилось чужой болью.

После пожара Я и Соль бродили по дорогам три недели. Соль была старше на четыре года и пыталась быть сильной, но Я чувствовала, как сестра разваливается изнутри: каждый день — чуть больше, каждый ночлег под открытым небом — ещё на шаг ближе к краю.

На восемнадцатый день Соль сказала:

— Я знаю, куда нам идти. В Цитадель. Там берут таких, как мы.

— Таких — это каких? — спросила Лира.

— С резонансом, — ответила Соль. — Я слышала, что в академии ищут людей с особым чутьём. Что это нужно для связи с драконами.

Я не хотела. Но у меня не было другого пути.

В Цитадель нас приняли, но разделили в первый же день. Соль отправили в боевую группу — у неё, как выяснилось, был не резонанс, а боевая магия, редкая и сильная. Меня — в группу наблюдения: мои способности считались слишком нестабильными для боевых тренировок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.